

УДК: 394

НОМЕНКЛАТУРА КОРЕННЫХ НАРОДОВ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Хаховская Л. Н.

*ФГБУН Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт
им. Н. А. Шило ДВО РАН, г. Магадан
E-mail: hahovskaya@gmail.com*

Автор освещает ситуацию, связанную с отсутствием номинаций *чукчи* и *эскимосы* в региональном списке коренных народов Магаданской области. Данная проблема носит исторический характер, отражая сложившиеся практики взаимодействия государственной власти с коренными народами. Прослежен процесс формирования современной этнической картины на Крайнем Северо-Востоке. Представлена динамика этнической номенклатуры региона в советский период и постсоветское время. Показано, что государственная власть учреждает номенклатуру и ее административно-территориальное соответствие, а также категоризирует этнические образования по степени традиционности их облика в связи с местом проживания. Вразрез с этим, сами коренные жители определяют свои этнические свойства в широких исторических и территориальных пределах, свободно перенося в наши дни давно сложившиеся особенности поведения и менталитета своих предков.

Ключевые слова: этническая номенклатура, государственная власть, Магаданская область, Крайний Северо-Восток, коренные народы, чукчи, эскимосы.

DOI: 10.34078/1814-0998-2024-2-108-115

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в Магаданской области сложилась непростая ситуация, связанная с перечнем (номенклатурой) коренных малочисленных народов Севера (КМНС), относящихся к данному региону. Представители КМНС из этносов, входящих в региональный перечень (ительмены, камчадалы, коряки, орочи, чуванцы, эвены и юкагиры), пользуются всем объемом льгот, тогда как представители «неписочных» номинаций (это в первую очередь чукчи и эскимосы) лишены части таких льгот. Данное положение порождает известное социальное недовольство со стороны людей, поскольку они считают себя истинными аборигенами территории Крайнего Северо-Востока, на которой расположена Магаданская область.

Обозначенная проблема, помимо вполне очевидного актуального социального измерения, имеет глубокие исторические корни, т. к. она сложилась в ходе длительной практики взаимодействия государственной власти с коренными народами Севера. В ходе этой «встречи культур» одна из сторон имела развитое государственное

устройство с его организациями и институтами, а другая представляла собой небольшие этнолокальные образования, связанные с родовой и местной территориальной организацией власти (Соколовский, 2005; Бондаренко, 2021).

Освоение окраинных территорий сопровождалось процессом сбора, уточнения, адаптации и кодификации ономастической информации, характеризовавшей как ландшафтное пространство, так и обитавшее на этих пространствах население. Очень важным для государственной власти было составление как можно более точного перечня присоединяемых народов. При этом оказывалось, что этнонимикон (перечень этнонимов) любой этнолокальной группы был достаточно разнообразным, поэтому функцией государственной власти становился выбор какого-либо единого этнонима, который и утверждался как официальное имя народа (Хаховская, 2015). В целом номенклатурным вопросам в отношении коренных народов Севера российская власть всегда уделяла большое внимание, поскольку эта формальная сторона этнических процессов является необходимым и достаточно эффективным инструментом регулирования взаимоотношений как этносов с государством, так и различных народов и этнических групп между собой. Особен-

но заметно регулирующий номенклатурный механизм действовал на переломе эпох: в первые годы советской власти, а также в постсоветский период.

Целью данной статьи является рассмотрение в историческом контексте процесса формирования на территории Крайнего Северо-Востока существующей на сегодняшний день этнической картины, при этом особое внимание уделено «проблемным» в номенклатурном отношении для Магаданской области чукчам и эскимосам. Показана динамика этнической номенклатуры в советский период и постсоветское время, охарактеризованы подходы к законодательной деятельности в этой сфере со стороны официальных органов, а также представления и мнения самих коренных жителей. Источниковой базой работы являются архивные исследования, полевые материалы автора, опубликованная литература, материалы электронных медиа.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА СОВРЕМЕННОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ

Освоение Крайнего Северо-Востока происходило таким образом, что коренными оказались те народы, которые сформировались или расселились на его территории до начала промышленного развития в XX в. С точки зрения «длинного» исторического процесса выделяются народы автохтонные, сформировавшиеся здесь в древности, и мигранты, переселившиеся намного позже и уже имевшие к тому времени этнически сформированный облик. К автохтонам достоверно относятся северо-восточные палеоазиаты (коряки и чукчи) и эскимосы. Наиболее обоснованными и археологически подкрепленными являются утверждения о хронологической и территориальной локализации происхождения оседлого населения, в том числе эскимосов. Согласно современным представлениям, прародиной эскимосов является американский континент, где обнаружены стоянки палеоэскимосской традиции возрастом V–III тыс. до н. э. В целом эта традиция существовала в период от конца IV тыс. до н. э. до начала II тыс. н. э. На ее основе с конца I тыс. до н. э. формируется неозскимосская археологическая традиция, включавшая культуры оквик, древнеберингоморскую, бирнирку, пунук и туле (Гребенюк, 2022). Носители неозскимосской традиции заселили азиатский континент и являются предками современных азиатских эскимосов. К началу русского освоения эскимосы расселялись на восточном побережье Чукотского полуострова, от Берингова пролива до залива Креста.

Континентальные районы Крайнего Северо-Востока (территория современной Магаданской области и Чукотки) в историческом прошлом за-

селяли племена бродячих охотников на крупных животных (олень, лось, баран). Об этом свидетельствуют, в частности, стоянки, относимые к северочукотской археологической культуре (возраст около III тыс. л. н.) (Лебединцев, 2008; Слободин, 2012). Несмотря на этнолокализованное название, ареал этой культуры простирался до верховьев Колымы, т. е. захватывал не только Чукотку, но и современную Магаданскую область. Данные племена представляли собой аморфные протоэтнические образования, т. е. они не имели определенного этнического облика. Однако можно уверенно говорить о том, что это была единая этнокультурная общность, которая являлась предками северо-восточных палеоазиатов (чукчей и коряков). Этногенез (историческое формирование) их складывался таким образом, что на его ранних стадиях чукчи и коряки неразличимы, их генетическая и культурная общность сомнению в науке не подвергается (Лебединцев, 2008).

Разделение этой общности на собственно чукчей и коряков началось лишь в позднем средневековье, примерно с XIV в. Это разделение произошло вследствие следующих основных факторов.

Во-первых, существовало тяготение бродячих охотников континента к разным ареалам берегового населения: протокоряки тяготели к Охотскому побережью, а проточукчи – к побережьям Берингова и Чукотского морей.

Во-вторых, в это время начались мощные этнические давления со стороны юкагигов и тунгусов, которые активно продвигались на Крайний Северо-Восток. В частности, большую роль в разделении сыграл так называемый «юкагирский клин»: юкагиры в XIV–XV вв., продвигаясь вниз по течению реки Анадырь, разбили бродячие племена на две группировки: одна из них, кочевавшая севернее бассейна реки Анадырь, положила начало современным чукчам, другая, кочевавшая южнее, стала предками современных коряков (Вдовин, 1965. С. 61).

В-третьих, немного позднее юкагигов по побережью Охотского моря началось продвижение тунгусоязычных племен (будущих эвенов, о чем сказано ниже). Тунгусы начали осваивать места проживания береговых коряков, что повлекло за собой столкновения между этими двумя этносами. В то же время данные межэтнические контакты привели к очень важному этнокультурному эффекту – возникновению домашнего оленеводства у коряков. По-видимому, коряки переняли навык domestikации оленей у тунгусских группировок, которые в то время уже владели ручными оленями и использовали их как выючно-верховое транспортное средство (Хаховская, 2018а. С. 20–23).

В-четвертых, появление у коряков оленьих стад вызвало дальнейшую цепную реакцию распространения домашнего оленеводства на Крайнем Северо-Востоке, которая тоже была не вполне мирной: чукчи, у которых оленей еще не было, стали совершать вооруженные набеги на коряков, отбивая оленей и уводя в плен женщин и подростков (История..., 1987. С. 45–47). Военное противостояние между коряками и чукчами (набеги продолжались вплоть до конца XVIII в.) привело к окончательному разделению между этими двумя этносами. Наконец, уже во время вхождения территории в состав Российской Империи, т. е. с середины XVII в., закрепилось и территориальное разделение: чукчи стали тяготеть ко вновь построенному Анадырскому острогу, а коряки – к Гижигинской крепости.

Тем не менее в императорской России осознавали исторически сложившуюся целостность территорий обитания чукчей и коряков, а также культурную и генетическую близость этих этносов как изначальных, автохтонных этнических образований. Согласно административно-территориальному делению дореволюционной России и Чукотка, и Охотское побережье с прилегающими континентальными территориями (будущая Магаданская область) входили в одни и те же административные единицы: последовательно – Якутский уезд; Охотское приморское управление Иркутской провинции; Охотская область Иркутского наместничества; Камчатская область (впоследствии Камчатское приморское управление) Иркутской губернии; Приморская (впоследствии Камчатская) область Приамурского генерал-губернаторства (Каракин, 2014).

В начале XX в. почти вся территория будущей Магаданской области, включая Чукотку, входила в состав Приморской области. После выделения из нее в 1909 г. Камчатской области на этой территории был образован уезд с центром в Гижиге, который охватывал весь рассматриваемый регион. Другими словами, в досоветское время территории не делили на административные единицы по этническому принципу, этот принцип появился в советское время, которое отмечено значительными подвижками в этнической сфере.

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ЭТНОНИМИКОНА КРАЙНЕГО СЕВЕРО-ВОСТОКА

Этнотопонимикон данного региона начал складываться на самых начальных стадиях русского освоения и до настоящего времени является инструментом номинальной категоризации и вербального оформления этнической отличительности народов. Процессы, происходящие в сфере этнической номенклатуры, являются важным аспектом идентификации коренных жите-

лей, особенно тех из них, которые относятся к группам с сильно размытым этническим обликом, основной чертой которого является самоотнесение. При этом привычные наименования народов стали результатом активного взаимодействия русских землепроходцев и местного населения. Наиболее общим механизмом обретения тех имен, под которыми этнические образования Крайнего Северо-Востока известны в настоящее время, являлось собирательное распространение внешней стороной (как правило, органами государственной власти) на всю группу наименования какой-либо из ее частей, обычно воспринятое от третьей стороны (Хаховская, 2018б).

Этноним *эскимосы* в русский язык был воспринят из американской традиции, несмотря на то, что наименованиями собственно азиатских эскимосов, интерпретируемыми как самоназвания, являлись термины *юит*, *югат*, *юпигит*. Ближайшие соседи эскимосов, чукчи, называли их *айванат*, что этимологизируется как ‘подветренные’, т. е. живущие восточнее чукчей, у берега океана, со стороны морских ветров (Никонов, 1984. С. 45). Наиболее ранняя информация о чукчах принадлежит казакам-землепроходцам 1640-х гг. В этот период существовали и другие варианты имен этого народа, в том числе связанные с хозяйственной деятельностью и местом проживания отдельных групп (*луораветланы*, *анкалыны*). Наименование *чаучу*, от которого, как считается, произошел введенный в оборот этноним *чукчи*, характеризовало оленные подразделения (Никонов, 1984. С. 47, 53).

В первоначальный советский период имела место попытка полностью обновить этнонимикон коренных малочисленных народов Севера, чтобы продемонстрировать разрыв с национальной политикой и практикой царской России. Так, появились термины *луораветланы* (так были названы чукчи), *нымыланы* (коряки), *юиты* (эскимосы), *оулы* (юкагиры), *эвены* (бывшие тунгусы, ламуты и орочи). Однако эти попытки, за исключением собирательного термина *эвены*, не увенчались успехом, и этнонимы остались прежними.

За год до проведения первой советской всеобщей переписи населения 1926 г. постановлением правительства был утвержден официальный список «малых народов Севера», которых позднее стали называть коренными малочисленными народами Севера (КМНС). В эту особую группу были включены этносы северных окраин с численностью не более 50 тыс. человек, которые осознавали себя самостоятельными этническими общностями, вели традиционный образ жизни и хозяйствования на территориях исторического расселения. Этот перечень оставался не-

изменным на протяжении всего советского периода, вплоть до распада СССР.

В первоначальное советское время, в январе 1926 г., на карте появился Дальневосточный край с новым делением на районы: Гижигинский (Пенжинский), Анадырский и Чукотский районы вошли в состав Камчатского, а Ольский – Николаевского-на-Амуре округов. В дальнейшем были созданы национальные округа по этническому принципу (Восточно-Эвенский, Чукотский, Камчатский), которые входили в состав одних и тех же административно-территориальных единиц (последовательно – Камчатская область, Хабаровский край, Магаданская область, за исключением периода 1930–1937 гг. в отношении Чукотки). Особенно активные культурные и исторические изменения осуществлялись в период вхождения Чукотского национального/автономного округа в состав Магаданской области (1953–1992 гг.). В это время Магадан стал центром обширного региона, представители чукчей и эскимосов активно приезжали в города и поселки Охотского побережья в образовательных и иных целях, некоторые из них оставались на постоянное место жительства.

Отделение Чукотского автономного округа от Магаданской области (1992 г.) стало результатом общих дезинтеграционных процессов, развившихся на территории России в постсоветский период. Вместе с тем взаимодействие между двумя регионами не прерывалось, в том числе общение между представителями коренных этносов. Поэтому на фоне изначальной этногенетической общности чукчей и коряков, а также северо-восточных палеоазиатов и эскимосов как достоверно первоначальных (авхотонных) обитателей Крайнего Северо-Востока, их общей исторической судьбы не только в далеком историческом прошлом, но и в составе Российской Империи и СССР, период отделения в настоящее время воспринимается местными жителями как драматический эпизод, который оказывает воздействие на их судьбы, в том числе из-за современного непризнания чукчей и эскимосов коренными этносами Магаданской области.

В первые постсоветские годы номенклатурными вопросами активно занимались региональные законодатели, которые формально опирались на утвержденный в 1926 г. список коренных малочисленных народов Севера, состоявший, по разным данным, из 25 или 27 позиций (Пешина, 2021. С. 160, 161). При этом они самостоятельно определяли реестр коренных народов из этого списка, свойственный именно данному региону. Кроме того, региональные органы могли вносить определенные коррективы в но-

менклатуру КМНС «подведомственной» территории, опираясь на местную этническую ситуацию. Так, согласно постановлению администрации Магаданской области № 121 от 31.05.1994 «О дополнительных мерах экономической поддержки хозяйствующих субъектов аборигенов Магаданской области» в региональный список были внесены ительмены, коряки, чуванцы, эвены, юкагиры, а также якуты, которым был присвоен уточняющий эпитет «ессейские» (Статус..., 2004. С. 103).

В дальнейшем законодательную инициативу по номенклатурному вопросу взяли в свои руки органы центральной власти. Постановлением Правительства Российской Федерации (РФ) № 255 от 24.03.2000 утвержден Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации, состоявший из 47 позиций. Перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, который является составной частью Единого перечня, утвержден распоряжением Правительства РФ № 536-р от 17.04.2006, он включает 39 позиций. Первый законодательный акт, кроме того, закреплял перечень территорий проживания, соответствующий каждому этносу.

Относительно Магаданской области в Едином перечне первоначально как коренные были указаны те же пять народов, что и в региональном списке: ительмены, коряки, чуванцы, эвены, юкагиры. Впоследствии в список были внесены два дополнения: введено дублирующее название для эвенов – ламуты (постановление Правительства РФ № 1145 от 26.12.2011), а также коренными народами Магаданской области признаны камчадалы и орочи (постановление Правительства РФ № 2356 от 18.12.2021). Все эти поправки носят номенклатурный, а не сущностный характер, т. е. они не имеют отношения к действительному территориальному расселению этносов, а лишь легитимизируют некоторое все еще существующее разнообразие в этнонимиконе. Связано это с тем, что этноним *орочи* в Магаданской области является дублирующим названием эвенов, а этноним *камчадалы* является истинным названием русскоязычных старожилов региона, в свое время ошибочно переименованных в ительмены (Хаховская, 2018б).

Однако законодательно неразрешенной остается рассматриваемая нами коллизия: в Магаданской области проживают чукчи и эскимосы, не входящие в региональный список КМНС¹, но считающие свой этнос неотъемлемым элементом местного этнического ландшафта. Региональная

¹ Некоторые авторы ошибочно полагают, что Магаданская область является официально утвержденным местом компактного проживания чукчей, а также эвенков (Обедков, 2017. С. 956, 960).

власть, поддерживающая это мнение, неоднократно инициировала корректировку списка в пользу указанных этносов, но всякий раз получала отказ от федеральных органов. Ниже мы рассмотрим позиции и мотивы, на которых базируются две оппонирующие стороны: федеральная власть и представители коренных народов.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И АУТЕНТИЧНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Процессы этнической классификации играют важную структурирующую и идентифицирующую роль как в государственном устройстве, так и в обыденной жизни. Официальные практики категоризации, к которым относится разработка и региональная «привязка» этнической номенклатуры, как показано выше, создают поле современных взаимодействий между коренными народами и государственной властью. Законодательному оформлению этничности придается важное значение, а проявление этнической специфики обеспечивается государственной политикой и практикой, хотя и претерпевшей изменения, но в целом действующей в русле единого подхода. Таким основополагающим подходом являлся патернализм, при котором органы власти учреждают систему этноподдерживающих льгот, но при этом максимально контролируют доступ к ним.

Законодательно утвержденная номенклатура КМНС, каждый из которых «прикреплен» к определенной территории, признающей исторически сложившимся ареалом, является одним из выражений активно проводившейся в советское время политики седентаризации, оседания прежде кочевых народов. Во вновь внедряемом социалистическом укладе кочевничество допускалось в связи с существованием определенных отраслей природопользования, тогда как в качестве повседневной жизни предполагалась стационарность, проживание в селах и поселениях. Определение же пространственных границ того или иного народа поддерживалось широко распространенными в этот период научными исследованиями в области этногенеза, прослеживания исторических корней современных этносов. Однако в советское время общий список КМНС не дополнялся региональными подразделениями, эта инновация появилась в рамках современной архитектуры государственного устройства и связана с разделением федеральных и региональных полномочий.

Поэтому наше время, при значительной либерализации многих сфер, относящихся к этничности, отмечено более жестким подходом органов федеральной власти именно к пространственным границам. В настоящее время федеральные органы власти возражают против включения чукчей

(и тем более эскимосов) в региональный список коренных народов Магаданской области на основании того исторического факта, что данные народы вплоть до середины XX в. статистически не зафиксированы на этой территории, а ареалы их окончательного этнического формирования также лежат за ее пределами: «Статистика... государственных переписей XIX и первой половины XX веков... не свидетельствует о проживании чукчей в Магаданском регионе»; «...вообще на территории нынешней Магаданской области перепись 1926–27 гг. не обнаружила ни кочевых, ни оседлых чукчей»; «...ареал исконной среды обитания, традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности чукчей... целиком остался в пределах Чукотского [автономного] округа»².

Другой важной чертой современного осмысления этничности со стороны органов федеральной власти является пересмотр взглядов на присущую КМНС традиционность, в том числе в экономической сфере. Это выражается в составлении перечня мест, в границах которых хозяйственная деятельность коренных народов признается традиционной (постановление Правительства РФ от 08.05.2009 № 631), тогда как за их пределами эта традиционность по определению утрачивается. В частности, в рассматриваемом нами регионе областной центр (город Магадан) и некоторые другие поселения городского типа не входят в данный перечень, что не позволяет внести чукчей и эскимосов в региональный список: «...в Магаданской области проживает порядка 300 чукчей..., из которых более 70 % являются жителями г. Магадана, а вместе с проживающими в ближайших к г. Магадану населенных пунктах (поселки Ола, Уптар, пгт Сокол, село Гадля) – 86 %. В прочих населенных пунктах Магаданской области нет компактного проживания чукчей, они расселены по 1–2 или несколько человек, при максимуме 11 чел. в пгт Палатка (в этом поселке 3.8 тыс. жителей). ...в Магаданской области чукчи в основном сосредоточены в городской среде и не имеют локальных групп, практикующих традиционный образ жизни и традиционную хозяйственную деятельность»; «Сегодняшнее чукотское население Магаданской обл<асти> сформировалось именно в послевоенное время и прежде всего – в городской среде»³. Аналогичное заключение дано относительно эскимосов.

Далее, критику со стороны власти, в том числе региональной, вызывает такая особенность

² Текущий архив администрации Магаданской области, письмо № 14110/01.05-553 от 12.09.2023.

³ Текущий архив администрации Магаданской области, письмо № 14110/2143-286 от 28.08.2018.

современных хозяйственных практик коренного населения, которая выражается в их рыболовецких устремлениях. Указывается, что из всех видов традиционного природопользования интересы коренных жителей, независимо от их этнической принадлежности, ограничиваются освоением водных биологических ресурсов (ВБР), в основном рыбы лососевых пород: «Традиционный образ жизни сразу принимает рыболовецкую окраску»⁴. Органы власти в этом видят не столько жизнеобеспечивающую потребность, сколько коммерческий интерес, нередко связанный со скрытой передобычей, а в особо острых случаях – и с браконьерством. Из 35 родовых общин коренных народов, зарегистрированных в Магаданской области на начало 2023 г., реальную хозяйственную деятельность, подкрепленную финансовыми и налоговыми отчетами, ведут лишь 5 единиц. Остальные родовые общины, в уставе которых всегда значится перечень традиционных видов деятельности из 10–12 позиций, в реальности претендуют только на получение и освоение квот на ВБР.

В таком свете номенклатурные трудности, которые в настоящее время стремятся преодолеть чукчи и эскимосы, проживающие в Магаданской области, с официальной точки зрения также предстают как желание получить доступ к рыбе. Подчеркивается, что чукчам и эскимосам (а также другим КМНС вне регионального списка) предоставляются практически все льготы, кроме индивидуальных лимитов на вылов ВБР, вокруг которых в диалоге органов власти и коренных жителей и «ломаются копыя». Некоторой детализацией ведущихся дискуссий стало указание официальных структур на то, что традиционный облик рассматриваемых народов не столь тесно связан с рыболовством, поскольку главные их хозяйственные занятия – оленеводство (оленные чукчи) и морской зверобойный промысел (приморские чукчи и эскимосы)⁵.

Однако важным является изучение не только официальных, но и неофициальных, обыденных категоризаций и интерпретаций, используемых обычными людьми в повседневной жизни и в их диалоге с органами власти. Из бесед с коренными жителями и их высказываний в ходе различных обсуждений рассматриваемой проблемы можно вычленить их мнение по обозначенным выше позициям. Так, представители коренных народов настаивают на том, что кочевой образ жизни является их сущностной, неотъемлемой этнической характеристикой, несмотря на переселение в города и изменение повседневной и профессиональ-

ной занятости: «...это сих пор в крови. Дайте поехать в тайгу, развести костер, это такое блаженство. Мы кочевой народ, свободолюбивые люди»⁶; «...сокращается население, закрывают поселения. Куда коренной народ едет, конечно, в город, но от перемены места жительства всё равно остаются КМНС»⁷. Как обобщенная позиция, такие взгляды оставляют на втором плане проводимые законодательными органами административно-территориальные и поселенческие границы, провозглашая право коренных народов осваивать все те земли, которые и прежде находились в сфере их жизненного пространства, независимо от хронологической приуроченности.

Также коренные жители говорят о своем особом отношении к природе, своей особой близости к ней, подчеркивают естественность своих прав на природные ресурсы: «Для чего пишут законы – чтобы людям жилось хорошо. Мы всегда выходили и рыбачили, в советское время тоже были определенные процедуры..., а сейчас усложнили доступ к традиционному образу жизни и питанию»⁸. При этом чукчи настаивают на том, что обладают таким же правом на ресурсы, в том числе водные, как и представители других коренных народов Магаданской области: «Мы сами едим эту рыбу, мы ее не выкидываем, не продаем»; «Нам говорят, рыбачить мы имеем право только на Чукотке... Нам запрещают здесь рыбачить, но мы не собираемся отсюда уезжать... Это ненормально, чтобы мы, чукчи, поехали рыбачить к себе на Чукотку». Отсутствие права на вылов определенного количества рыбы, обусловленное непредставленностью в региональном списке коренных народов, они воспринимают как «...притеснение по национальному признаку со стороны власти...»⁹.

Следует отметить, что активность чукчей и эскимосов Магаданской области в отстаивании прав на ресурсы путем включения в региональный список поддерживают представители других коренных народов и их этнические лидеры. Такая солидарность основана на общем разделяемом представлении о едином этнокультурном и ландшафтном пространстве коренных малочисленных народов Севера, которые во взаимодействии с властью в настоящее время

⁶ Там же.

⁷ Коренные малочисленные народы Севера (КМНС) Магаданской области. Whatsapp-канал. 16.11.2023.

⁸ ПМА от 18.10.2023.

⁹ Общение коренных малочисленных народов Севера (КМНС) Магаданской обл<асти>. WhatsApp-канал. 10.11.2023.

⁴ Полевые материалы автора (ПМА) от 24.05.2023.

⁵ ПМА от 18.10.2023.

предстают как некое обобщенное этническое образование, в котором номенклатурные подразделения и хозяйственная специфика оказываются второстепенными. Если государство стремится устанавливать всё более четкие границы и категории, то современное осмысление собственной этничности со стороны коренных жителей можно обозначить как движение «поверх барьеров». В этом плане можно констатировать, что аутентичные представления коренных жителей отмечены и прочной связью этноса с «землей и почвой», и творческим переосмыслением современных этнических границ, которые считаются свободными и проницаемыми.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренная нами проблема непризнания региональными коренными народами Магаданской области чукчей и эскимосов является частью общей исторической картины разворачивания взаимоотношений между государством и КМНС на современном этапе. В частности, нами показано, что государственная власть, регулируя этническую сферу, учреждает номенклатуру и ее административно-территориальное соответствие, категоризирует этнические образования по степени традиционности их облика в связи с местом проживания, основывая на этом систему норм и правил доступа к льготам. При этом органы власти учитывают в основном актуальное историческое состояние и современный этнический облик тех или иных групп людей. Вразрез с этим, сами носители отличительного этнического самосознания, в том числе чукчи и эскимосы, проживающие в Магаданской области даже в городской среде, определяют свои специфические свойства в широких исторических и территориальных пределах, свободно перенося в наши дни давно сложившиеся особенности поведения и менталитета своих предков. Неотъемлемыми чертами своей современной жизни они считают кочевничество, близость к природе и возможность пользоваться ее ресурсами, право на традиционную пищу. Диалог органов власти и коренных жителей при этом базируется на представлениях об особом статусе и исторической укорененности КМНС на рассматриваемых территориях, что сближает их взгляды и может стать предпосылкой для разработки взаимоприемлемых решений.

Поступила в редакцию 29.02.2024.

Поступила после доработки 11.03.2024.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондаренко Д. М. Социальные институты и базовые принципы организации обществ // Сибирские исторические исследования. 2021. № 1. С. 138–164. DOI: 10.17223/2312461X/31/7.
- Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. Москва : Наука, 1965. 402 с.
- Гребенюк П. С. Эскимосская проблема в свете новых данных // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 3: Археология и этнография. С. 122–139. DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-3-122-139.
- История и культура чукчей: историко-этнографические очерки. Ленинград : Наука, 1987. 287 с.
- Каракин В. П. Дальний Восток России – обретение границ, имени и специфики в «проблемном поле» страны // Вестник ДВО РАН. 2014. № 5. С. 118–131.
- Лебединцев А. И. Проблема происхождения северо-восточных палеоазиатов // Вестник СВНЦ ДВО РАН. 2008. № 3. С. 67–80.
- Никонов В. А. Этнонимы Дальнего Востока СССР // Этническая ономастика. Москва : Наука, 1984. С. 44–69.
- Обедков А. П. Проблемы сбережения и устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера России // Россия: тенденции и перспективы развития. Москва : Ежегодник ИНИОН РАН, 2017. С. 955–963.
- Пешина Э. В. Статистический учет коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России с 1897 по 2010 гг. // Парадигмы и модели демографического развития: сборник статей XII Уральского демографического форума. Т. 1. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2021. С. 160–165.
- Слободин С. Б. Северчукотская неолитическая культура Севера Дальнего Востока (генезис, хронология, ареал) // Вестник СВНЦ ДВО РАН. 2012. № 2. С. 110–122.
- Соколовский С. В. Институты и практики производства и воспроизводства этничности // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. 2005. № 11. С. 144–167.
- Статус коренных малочисленных народов Севера : Сборник федеральных, региональных и международных нормативно-правовых актов. Магадан : МА-ОБТИ, 2004. 248 с.
- Хаховская Л. Н. Культура этнолокального сообщества (коряки села Верхний Парень). Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2018а. 280 с.
- Хаховская Л. Н. Разноликая Сибирь: имена как отражение истории и культуры народов // Россия и АТР. 2015. № 3. С. 271–273.
- Хаховская Л. Н. Этнонимические процессы у аборигенов Северо-Востока России (на примере эвенов и камчадалов) // Россия и АТР. 2018б. № 4. С. 25–36. DOI: 10.24411/1026-8804-2018-10049.

NOMENCLATURE OF INDIGENOUS PEOPLES OF MAGADAN OBLAST IN THE HISTORICAL CONTEXT

L. N. Khakhovskaya

North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute n. a. N. A. Shilo, FEB RAS, Magadan

The author highlights the situation related to the lack of nominations for the Chukchi and Eskimos in the regional list of indigenous peoples of Magadan Oblast. This problem is historical in its nature, as it reflects the established practices of interaction between the governmental authorities and indigenous peoples. The process of the modern ethnic picture formation in the Far North-East is traced. The dynamics of the ethnic nomenclature of the region in the Soviet and the post-Soviet times are presented. It is demonstrated that the state authorities establish a nomenclature and its administrative-territorial correspondence as well as categorize ethnic entities according to the degree of traditionality of their outlook in connection with their place of residence. Contrary to this, the indigenous people themselves define their ethnic properties within broad historical and territorial boundaries, freely transferring the long-established characteristics of their ancestors' behavior and mentality into the present.

Keywords: ethnic nomenclature, governmental authorities, Magadan Oblast, Far North-East, indigenous people, Chukchi, Eskimos.

REFERENCES

- Bondarenko, D. M.*, 2021. Social Institution and Basic Principles of the Organization of Societies, *Siberian Historical Research*. 1, 138–164. DOI: 10.17223/2312461X/31/7 [In Russian].
- Grebenyuk, P. S.*, 2022. Eskimo Problem in the Light of New Data, *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 21, 3: Archeology and Ethnography, 122–139. DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-3-122-139 [In Russian].
- History and Culture of the Chukchi: Historical and Ethnographic Essays*, 1987. Leningrad, Nauka [In Russian].
- Karakin, V. P.*, 2014. Russian Far East – Forming Borders, Name and “Independence in the Problem Field”, *Vestnik FEB RAS*. 5, 118–131 [In Russian].
- Khakhovskaya, L. N.*, 2015. Diverse Siberia: Names as Reflection of the History and Culture of Peoples, *Russia and the Pacific*. 3, 271–273 [In Russian].
- Khakhovskaya, L. N.*, 2018a. Ethnolocal Community Culture (Koryak of Verkhniy Paren' Village). Moscow ; St. Petersburg, Nestor-Historia [In Russian].
- Khakhovskaya, L. N.*, 2018b. Ethnonymic Processes of Aborigines of the North-East of Russia (Case Study of the Evens and Kamchadals), *Russia and the Pacific*. 4, 25–36. DOI: 10.24411/1026-8804-2018-10049 [In Russian].
- Lebedintsev, A. I.*, 2008. The Problem of Origins of the Northeastern Paleoasiatics, *Bulletin NESR*. 3, 67–80 [In Russian].
- Nikonov, V. A.*, 1984. Eponyms of the Far East of the USSR, *Ethnic Onomastics*. Moscow, Nauka, 44–69 [In Russian].
- Obedkov, A. P.*, 2017. Problems of Savings and Sustainable Development of Indigenous Peoples of Russia's North. *Russia: Trends and Development Prospects*. Moscow, Yearbook of INION RAS, 955–963 [In Russian].
- Peshina, E. V.*, 2021. Statistical Registration of Russian Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East from 1897 to 2010, *Paradigms and Models of Demographic Development : Collection of Articles of the XII Ural Demographic Forum*. Vol. 1. Yekaterinburg, Institute of Economics UrB RAS, 160–165 [In Russian].
- Slobodin, S. B.*, 2012. Severochukotsk Neolithic Culture of the Northern Far East (Genesis, Chronology, Habitat), *Bulletin NESR*. 2, 110–122 [In Russian].
- Sokolovsky, S. V.*, 2005. Institutions and Practices of Production and Reproduction of Ethnicity, *Ethnomethodology: Problems, Approaches, Concepts*. 11, 144–167 [In Russian].
- Status of Indigenous Peoples of the North : Collection of Federal, Regional and International Legal Acts*, 2004. Magadan, MAOBTI [In Russian].
- Vdovin, I. S.*, 1965. Essays on the Chukchi History and Ethnography. Moscow, Nauka [In Russian].